
Ю. В. ОЛЕЙНИКОВ

ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ РОССИИ

Последние полтора века для российской интеллигенции ознаменовались поиском так называемой «русской идеи» обоснования специфики исторического бытия России. Дань этому отдали практически все крупные философы, историки, политические деятели и литераторы, представители серебряного века русской культуры. Лишь в середине XX столетия русская идея ненадолго исчезла из поля зрения и вновь появилась в 80-е годы. Ее ренессанс связан с потребностью определения направления развития постсоветской России и заполнения идеологического вакуума, образовавшегося после распада СССР.

Не вдаваясь в анализ содержания и аргументации известных концепций русской идеи¹, совершенно определенно можно утверждать следующее: все они страдают одним пороком – объяснение специфики исторического бытия России выводится ими в конечном счете из довольно субъективных представлений о некой неповторимой духовности русского народа, его приверженности мессианским идеям, из идеократической сущности российского государства, т.е. исходными основаниями «формулы русского исторического развития» (Кавелин К. Д.) принимаются дух, национальный характер, психологические особенности людей, их сознание и т.п. Лишь изредка, главным образом у представителей исторической науки (Соловьев С. М., Грановский Т. Н., Ключевский В. О., Вернадский Г. В. и др.), в качестве фундаментального признака можно встретить естественные (природные) условия бытия российского су-

---

¹ Русская идея. Антология. М., 1992; Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996; Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Русская философия истории. Курс лекций. М., 1997.

перэтноса: безграничные равнинные просторы или противостояние леса и степи², которые, в свою очередь, обуславливают национальный характер, психологические особенности и духовный склад россиян, а неорганичный синтез Востока и Запада – евразийство, – порождает извечные внутренние противоречия культурных и цивилизационных ориентаций, провоцирующие постоянную борьбу западников и почвенников, либералов и традиционалистов, демократов и приверженцев тоталитарного правления, идеалистов и рационалистов-прагматиков и т. п.

Ни одна из известных интерпретаций русской идеи не стала признанной программой практического бытия российского общества. Все они являются довольно интересными проявлениями духовного творчества, иногда вносящими определенный вклад в научный анализ частных проблем жизнедеятельности российского суперэтноса. Да они и не могут быть чем-то большим, поскольку в должной мере не учитывают фундаментальные основания бытия российского общества, а потому и не являются полным и объективным осмыслением специфики развития российской цивилизации.

История не знает примеров долговременного существования социальных организмов, построенных согласно произвольным идеологическим представлениям, возникшим в головах людей. Как правило, они ограничиваются различными религиозными сектами, общинами, фаланстерами социалистов-утопистов и др. Жизненны те идеологии, которые верно выражают сущностные, фундаментальные стороны бытия конкретных обществ и тенденции их развития. Идеология обретает статус национальной идеи, если она принимается массами и отражает «коллективное бессознательное», проявляющееся как совокупный опыт исторического бытия того или иного народа, общества, социального организма.

Бесплодность концепции русской идеи в качестве объяснения исторического прошлого и программы будущего

---

² См.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.

движения российской истории видится в том, что ее идеологи оказались в плену личных пристрастий, узкой специализации, свойственной частным наукам, проявили невосприимчивость к подмеченной В. И. Вернадским потребности современных исследований специализироваться не по наукам, а по проблемам, что предполагает синтез различных наук и методов для решения конкретных практических задач.

Еще в XIX веке философией истории были сформулированы фундаментальные методологические принципы целостного анализа бытия общества как части Универсума. Их суть можно выразить следующим образом: «С тех пор как существуют люди в мире нет ничего, кроме природы и общества, которые взаимно обуславливают друг друга». Следовательно, самым существенным фактором бытия того или иного социального организма является его непосредственная природная среда. Отсюда всемирную историю и историю отдельных стран и народов неправомерно сводить только к действиям исторических личностей, где, как справедливо отмечал Элизе де Реклю, природа выступает лишь ареной человеческой драмы. История общества не может отвлекаться от природной компоненты бытия общества. Она может быть только историей социоприродной.

Наиболее плодотворную попытку максимально учесть природный фактор бытия общества предпринял Лев Мечников в работе «Цивилизация и великие исторические реки». На обширном конкретном материале развития речных цивилизаций Египта, Индии, Китая и Месопотамии он проиллюстрировал эвристический потенциал методов философии истории в осмыслении исторического развития того или иного конкретного общества и пришел к ряду новых обобщений, обогативших методологию философии истории.

Л. Мечников полагал: «Социальная эволюция всюду находится в зависимости от органических (природных. — Ю. О.) условий», «окружающая среда и вообще все естественные условия влияют на форму кооперации, направляя

и координируя усилия отдельных личностей»³, которые могут не осознавать этого. Здесь часто срабатывает, как говорят ныне, «коллективное бессознательное» – некий социальный инстинкт выживания или же диктат властных структур, представители которых уразумели роль природной среды в бытии общества.

Ценность физико-географических факторов в разные исторические периоды меняется в зависимости от способностей человека благодаря развитию науки, техники и форм организации общества изменять условия своей жизни. Следовательно, при несомненной обусловленности бытия общества природными факторами, конкретные ее проявления меняются. Так, на ранних этапах развития человека и общества приполярные области на крайнем севере и юге в силу скудости живого вещества – продовольственной базы людей – совершенно непригодны для образования достаточно мощных человеческих коллективов⁴, способных к самостоятельному прогрессивному развитию. Последнее характерно и для «жаркого пояса», где люди «получая в изобилии и почти без всяких координированных усилий... все необходимое для материального благоденствия... лишены единственного стимула к труду, к изучению окружающего мира и к солидарной коллективной деятельности» (с. 273). «Сложные физические условия влияют на социальную жизнь, поощряя или затрудняя развитие солидарности и взаимопомощи между людьми» (с. 278), которые обеспечивают возможность их выживания и развития. «Осознание необходимости солидарности может быть внушено географической средой» (с. 443). Но это происходит не сразу. Лишь по прошествии большого отрезка исторического времени существования той или иной цивилизации эмпирически найденные принципы сохранения стабильности и развития определенного социального орга-

---

³ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 261.

⁴ Конкретизация этих выводов, может быть, без связи с идеями Л. Мечникова, наглядно представлена в работе: Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский анализ). М., 1996.

низма осознаются и закрепляются в идеологии как специфические национальные приоритеты.

Л. Мечников, рассматривая опыт стабильного бытия многовековых цивилизаций, заметил тенденцию к преодолению национального изоляционизма и формированию единого человечества, для которого, в конечном счете, существует единственная альтернатива: **«смерть или солидарность»** – других путей у человечества нет. Если оно не хочет погибнуть, то люди неизбежно должны прибегнуть к солидарности и к общему коллективному труду для борьбы с окружающими неблагоприятными условиями физико-географической среды» (с. 443).

К сожалению, у нас эта методология философии истории долгое время широко постулировалась, но не находила применения в конкретных исторических исследованиях. (Лишь в последние годы сделан определенный прорыв в осмыслении социоприродной истории России.)⁵

Природа, рассматривавшаяся в традициях механистического мировоззрения как всегда присутствующая, но неизменная, была не чем иным, как постоянным фоном исторического процесса, а потому практически не принималась в качестве агента причинно-следственных связей исторических событий. На нее обращали внимание, если она давала о себе знать какими-то редкими проявлениями типа знамений (комета – к войне), неурожаев, стихийных бедствий. Подобное познание истории стало преодолеваться, когда были достаточно изучены и математически представлены корреляции экологических, психологических и социальных проявлений жизнедеятельности социума от трансформаций солнечной активности (Чижевский А. Л.), больших циклов климатических изменений на планете, когда чувственно-

---

⁵ См.: Антипова А. В. Эколого-ресурсный потенциал России и США // Человек и природа. Проблемы социоестественной истории. М., 1996; Кульпин Э. С. Путь России. Кн. 1. Первый социально-экологический кризис. М., 1995; Он же: Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации // Общественные науки и современность. 1995. № 1; Кульпин Э. С., Пантин В. И. Решающий опыт. М., 1993; Клименко Ю. В. Энергия, климат и историческая перспектива России // Общественные науки и современность. 1995. № 1; Он же: Россия: Тупик в конце туннеля // Общественные науки и современность. 1995. № 5 и др.

наглядным стал планетарный масштаб антропогенного воздействия на биосферу Земли, зримо проявилось ускорение социального развития и во весь рост встали глобальные проблемы, когда был осуществлен сравнительный анализ природно-климатических условий существования и развития различных стран и народов. Тогда действия социальных субъектов исторического процесса перестали рассматривать как доминирующую причину движения истории и дополнили их естественной детерминацией всех проявлений бытия социума, тогда воздействие природы на бытие общества предстало как фундаментальный фактор исторического процесса, а историю общества стали интерпретировать как социоприродную.

Теперь с помощью долговременных инструментальных наблюдений климатических изменений доказано, что территория исконного расселения восточнославянских племен неблагоприятна для длительного проживания⁶. Здесь жизнь возможна только за счет привлечения дополнительных энергоресурсов, аккумулированных ранее органическим веществом биосферы (лес, уголь, нефть, газ и др.) или абиогенных источников (атомная энергия и т. п.). Однако несмотря на суровые природно-климатические условия местообитания восточных славян (весьма далекие от характерных для эффективных территорий)⁷, последние довольно успешно противостояли им, опираясь на энергетический потенциал, накапливаемый в течение веков и десятилетий обширными лесными массивами, использовавшимися в процессе подсечно-огневого земледелия в качестве энергетического базиса сельскохозяйственного производства.

Лишь к концу XIV века, когда в центральной России был исчерпан природный энергетический базис подсечно-огневого земледелия (леса), удовлетворявшего средствами

---

⁶ Среднегодовая температура на территории России ниже минус 5,5 градусов Цельсия.

⁷ Эффективными считаются территории, расположенные ниже 2000 м над уровнем моря, и среднегодовая температура на которых не опускается ниже 2 градусов Цельсия. По площади этих территорий Россия уступает Австралии, Бразилии, Китаю и США, и для производства на них аналогичной продукции необходимо в 2–3 раза больше энергозатрат.

существования основную массу населения русского государства, но еще не были хозяйственно освоены новые источники энергии, позволявшие обеспечивать расширенное воспроизводство населения и противостоять давлению извне, естественной для выживания народа стала колонизация восточной ойкумены и стремление к приобретению более благоприятных для хозяйственной деятельности эффективных территорий с целью увеличения запашки⁸.

Эмпирически найденный способ выживания получил отражение в державной идеологии – теоретическом обосновании необходимости могучего государства, обеспечивающего защиту от внешней угрозы, постоянное приращение эффективных территорий, а также централизованное распределение ограниченных средств существования в интересах выживания России как целого.

Государство в лице самодержца призвано было заботиться обо всех вместе и каждом гражданине в отдельности. Социальная функция государства выразилась в идеологии «Батюшки царя», «Заступника» – помазанника божьего, перед которым все остальные граждане равны: будь то аристократ или холоп – все рабы.

По этой причине в России никогда не было настоящих собственников, кроме государства. Имущество всякого без исключения российского подданного в любой момент могло быть отписано на государя, взято в казну или распределено между царскими фаворитами⁹.

---

⁸ См.: Олейников Ю. В. Природный фактор геополитической стратегии России // Философия и общество. 1997. № 6.

⁹ Позднее кавалерийская атака на капитал, проведенная как экспроприация собственников, не встретила особого сопротивления, так как акты конфискации имущества были привычным явлением. После пролетарской революции в стране не только в силу теоретических просчетов, но, главным образом, из-за дефицита средств к существованию, сложился «грубый коммунизм» (кстати, раскритикованный Марксом еще в прошлом веке) на базе государственной собственности, провозглашенной народным достоянием. Этим достоянием распорядилась и фактически владела партгосноменклатура, которая при первой же благоприятной возможности осуществила ее приватизацию, законодательно закрепила исторически сложившийся статус кво подлинного собственника. Владей народ собственностью на самом деле, он не расстался бы с ней так просто, как это произошло на постсоветском пространстве. (См.: Олейников Ю. В. Обобществление производства: как его понимал К. Маркс // Диалог. 1998. № 2.)

Как естественные условия хозяйствования в древних речных цивилизациях Старого Света, так и суровые климатические условия жизни России обуславливали внутреннюю политику государства, соотношение личных и общественных интересов. Отдельный человек был ничто в сравнении с целым. Интересы целого были главной ценностью общества (Петр I, не доверяя державу безвольному сыну, обрек наследника на гибель). Всякие посягания на государство рассматривались как тяжкое преступление. Поэтому отсутствие за ненадобностью прав личности. Одни обязанности. Держава превыше всего!

Вертикаль государственной власти опиралась на фундамент общинной формы организации жизни общества. Но и община руководствовалась приматом общего. Демократический принцип ее бытия был так же подчинен коллективным, соборным целям. Община сохранялась государством как условие бытия целого. Попытки разрушить коллективное существование, общину всегда заканчивались социальными потрясениями.

В качестве непреходящей ценности жизни российского суперэтноса идеологи самодержавия стали называть и православие в силу того, что и оно утверждало примат коллективного бытия и спасения. Соборность как способ коллективного выживания, как выражение общей судьбы народа, следовательно, не является каким-то имманентным, внутренним психологическим или духовным качеством россиян, а есть суровая необходимость, продиктованная бытием российского суперэтноса в крайне неблагоприятных природно-климатических условиях при постоянном дефиците освоенных энергетических ресурсов.

Состояние дефицита ресурсов для расширенного производства всегда и у всех народов наблюдается в моменты социальных флуктуаций», на сломе технологических способов производства и периодически сопровождается усилением командно-административно-распределительных функций центральной власти. Вспомним переход от феодальной раздробленности к национальной консолидации и концентрации власти в аграрных обществах накануне

промышленной революции; наивысшую степень огосударствления производства на закате индустриализации и свойственные этой эпохе образцы тоталитарных социальных систем (социализм, фашизм); усиление государственного регулирования при переходе к постиндустриальному обществу¹⁰.

Россия постоянно отстает от развитых стран по уровню энергозатрат на душу населения. Поэтому здесь всегда выше степень централизации государственной власти и государство исполняет больше социальных функций, нежели в других странах.

В специфике социоприродного бытия России коренится также и поразительная противоречивость менталитета россиян, верно подмеченная и сформулированная Н. А. Бердяевым в виде нескольких антиномий. Так, Бердяев утверждает: «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире», «Русский народ как будто хочет не столько свободного государства, сколько свободы от государства», но, с другой стороны, «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире... Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю»¹¹. С точки зрения социоприродной истории это можно объяснить тем, что испокон веков – в бытность подсечно-огневого земледелия – русский крестьянин был полным (вольным) хозяином своей частной жизни и трудовой деятельности. Его бытие практически ничем, кроме сезонности сельхозработ, не регламентировалось. 9/10 населения Руси жило вне общих поселений, а в лесах – вдали друг от друга, и ничем не было связано, кроме сознания своей социальной общности. Однако последние 500 лет российский этнос находится в состоянии перманентного дефицита энергетических ресурсов – основы хозяйственной деятельности и бытия в целом, что диктует необходимость строгой централизованной регламентации жизни каждого в отдельности и всех вместе государством,

---

¹⁰ См.: Олейников Ю. В. Обобществление производства: Как его понимал К. Маркс // Диалог. 1998. № 2.

¹¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 11,13.

которое, являясь необходимым фактором выживания целого, в то же время воспринимается и как ненавистное средство ограничения вольной жизни отдельного индивида. Отсюда архитипическая ценность русского человека – ВОЛЯ и вековая ностальгия по ней.

Другую антиномию, тесно связанную с первой, Бердяев видит в том, что «Россия – страна безграничной свободы духа», правдоискательства, жертвенности и «мученичества за идею», с самым не буржуазным и не меркантильным народом. Вместе с тем она – «страна неслыханного сервилизма и жуткой покорности, страна, лишенная прав личности и не защищающая достоинства личности» (с. 19–21). Подобное противоречие объясняется, на наш взгляд, постоянным стремлением отдельных личностей найти новые пути для преодоления жесткого диктата сложившихся под давлением природно-климатических условий форм бытия и консервативностью укорененного в «коллективном бессознательном» представления о недопустимости ломки сложившихся форм общественной жизни.

Суть еще одной антиномии в следующем. Русскому народу свойственна национальная терпимость, национальная бескорытность. Он гнушается национализма и шовинизма. Русскому духу свойственен универсализм, всечеловечность. Он восприимчив к чужим достижениям, отзывчив на чужую боль. Однако в силу ограниченности эффективных территорий Россия последние пять веков вынуждена была покорять соседние народы и в соответствии с логикой державной политики проводить их русификацию, навязывать чуждые им ценности, втягивать их в орбиту национальных интересов выживания российского суперэтноса.

К сформулированным Бердяевым антиномиям можно добавить и некоторые другие. Так, русское государство, несомненно, идеократическое. Идея многими воспринимается как системообразующий фактор существования русского государства, смысл и цель жизни каждого отдельного человека. Вместе с тем русские довольно легко расстаются с государственной идеологией (православие, марксизм-ле-

низм). После Октябрьской революции православные люди Российской империи очень быстро стали атеистами, а с падением СССР большинство из 18,5 млн членов КПСС и почти все взрослое население, прошедшее за годы Советской власти через комсомол, стремительно отrekliсь от советской идеологии и вновь обратились к церкви. Причина подобных рокировок видится в том, что россияне психологически не переносят идеологическую пустоту и на уровне «коллективного бессознательного» нуждаются в объединительной национальной идее. В легкости смены идеологических ориентиров нет ничего удивительного. В своей массе люди, несмотря на формальное соблюдение церковной обрядности, плохо знали православную догматику, и, невзирая на политический всеобуч, восприняли лишь марксистскую фразеологию. Эти идеологии были приняты русским народом не в силу их теоретической обоснованности, а исключительно по причине провозглашаемых ими принципов коллективного, соборного выживания.

И еще одна антиномия. Русским людям присущ правовой нигилизм (в одном из последних социологических опросов большинство респондентов выразило желание, чтобы их деяния оценивались не по праву, а по совести) и нравственная распушенность в повседневной жизни, но жесткая дисциплина и безграничное самопожертвование в экстремальных ситуациях¹² (войны, стихийные бедствия и т. п.). Суть противоречия видится в том, что люди воспринимают правовые и нравственные нормы как нечто навязанное помимо их воли, но сознательно или бессознательно (на уровне инстинкта) проявляют массовый альтруизм, когда решается судьба их «общего дела» и образа жизни. Словом, загадки российского менталитета трудно понять без обращения к анализу уникальности ее социо-природной специфики.

---

¹² См.: Олейников Ю. В. Нравственные факторы цивилизационного выбора // Россия после августа 1991: цивилизационные, политические и культурные дилеммы. М., 1993.

Поскольку Россия – самая холодная и самая большая страна в мире¹³, то для поддержания жизни населяющих ее народов на уровне развитых стран, она нуждается в значительно бóльших затратах энергии на душу населения. При примерно одинаковой технологической оснащенности производства она могла противостоять в экономическом соревновании с другими странами только благодаря более экономным – коллективным – формам производства и жизни общества в целом. Не случайно первые попытки модернизации России сверху (от Ивана Грозного до Александра II) не затрагивали социальные основы бытия общества, а позднейшие, несмотря на европейский соблазн, заканчивались революциями, отвергавшими либеральную модель с ее приматом индивидуальных ценностей.

Надо сказать, что и внешнеполитическая деятельность государства Российского, независимо от прихотей царских особ и их часто антирусского окружения, в основном была продиктована державной геополитической стратегией сдерживания запада путем блоковой политики, облегчавшей при благоприятных обстоятельствах экспансию на эффективные территории. Эта политика не плод каких-то личных пристрастий, а суровая необходимость выживания, что, к сожалению, не замечают многие политики и обвиняют Россию и россиян в вечной агрессивности и милитаризме.

Не столь прямолинеен Ф. Энгельс. «Эта империя, – пишет он, – задерживает и нарушает ход нашего развития и делает это с целью завоевания для себя таких географических позиций, которые обеспечили бы ей господство над Европой»¹⁴. Как знаток философии истории Энгельс дает двойственную оценку внешней политики России. С точки зрения революционной борьбы могущество царской России препятствовало социальному прогрессу человечества, но с позиции интересов выживания России того времени ее по-

---

¹³ Объем дополнительных затрат на поддержание нормальных условий жизнедеятельности значительно увеличивается от размеров страны. Чем больше территория последней, тем больше нужно энергии для обеспечения потребностей ее населения в сравнении со странами с компактным проживанием.

¹⁴ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 13.

литика была предельно целесообразной. Она строилась с учетом сильных и слабых сторон геополитического положения и экономического развития империи. Сильная в обзоре по причине бедности освоенными ресурсами и большой протяженности, бездорожья и т. п., редкого, но многочисленного и непрехотливого населения, Россия была уязвима в наступательных действиях большого масштаба и «старалась по возможности избегать войн и допускала их только как самое крайнее средство, да и то лишь при исключительно благоприятных условиях. Ее могут устроить только такие войны, когда союзники России должны нести основное бремя, подвергать свою территорию, превращенную в театр военных действий, опустошениям и выставлять наибольшую массу бойцов, в то время как русские войска выполняют роль резервов, которые щадят в большинстве боев, но на долю которых во всех крупных сражениях выпадает... честь решать окончательный исход дела»¹⁵. Какую более разумную стратегию самосохранения в противостоянии с энергетически более сильным противником можно предложить?

Внешняя политика, направленная на сохранение и увеличение эффективных территорий, была продолжена Советской Россией. Социальный переворот 1917 года народ поддержал в силу того, что большевики предложили вместо либеральной модели модернизации общества, общественный строй, сохраняющий фундаментальные ценности российского общества: коллективное выживание и сильную государственную (народную) власть. Народом был принят марксизм с его идеями мировой революции, пролетарского интернационализма и солидарности, поскольку последние отвечали исконным потребностям россиян – стремлению к консолидации сил для преодоления неблагоприятных природно-климатических условий бытия, к обретению союзников с эффективными территориями, причем экономики последних должны были быть тесно интегрированы в экономику России и подчинены ее геополитической стратегии. Эти стрем-

---

¹⁵ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 16–17.

ления реализовались созданием так называемого социалистического лагеря, что позволило СССР в течение многих десятилетий успешно сдерживать экспансионистские аппетиты постоянно наращивавшего свой энергетический потенциал мирового враждебного окружения¹⁶.

Исторический опыт свидетельствует: Россия сохраняла свою государственную независимость и место на мировой арене благодаря приверженности ценностям коллективного выживания, принятию технико-технологических и отчасти культурных, но отнюдь не социальных форм бытия западной цивилизации. Согласно законам синергетики и соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил гибридное общество могло существовать только при сильной централизованной власти, способной различными принудительными мерами сдерживать возникающие социальные противоречия. Это не всегда удавалось. Поэтому XX век – век перманентных потрясений, из которых следует однозначный вывод: пока Россия не достигнет уровня энергозатрат на душу населения, компенсирующих потребности преодоления природно-климатических трудностей и противостояния развитым странам, она обречена на сохранение коллективных форм хозяйствования и бытия общества в целом, на идеологию коллективного выживания. В противном случае ей грозит утрата собственной идентичности, экономической самостоятельности, национального суверенитета и независимости, культурного своеобразия, территориальное расчленение и т. д.

Этот процесс явно обнаружился в последнее десятилетие в результате лукавого навязывания ей либеральных ценностей, отрицающих фундаментальные основания многовекового бытия общества в суровых природно-климатических условиях.

Сейчас трудно прогнозировать, как конкретно будет протекать этот очередной исторический эксперимент. Ясно одно: если дальше процесс пойдет по планируемому сценар

---

¹⁶ См. об этом подробнее: Олейников Ю. В. Сколько в России солнечных дней? // Москва. 1998. № 5.

рию дискредитации традиционных ценностей бытия российского суперэтноса, зомбирования населения с помощью СМИ и навязывания чуждых ему стереотипов сознания, психологических установок и ценностей, то продолжится деградация экономики, науки, техники, образования, культуры и в конечном счете можно ожидать коллапс российской цивилизации. Но возможен и другой сценарий, более отвечающий тенденциям мирового развития.

Россия всегда была лакомым объектом для своих соседей не по причине каких-то идеологических, религиозных, национальных различий или классовой природы государства, а в силу обширных территорий – жизненного пространства и богатства природными ресурсами, в которых остро нуждались интенсивно развивавшиеся соседи. Беда в том, что Россия, следуя в фарватере европейской цивилизации, заимствовала уже апробированные научно-технические и технологические способы эксплуатации природных ресурсов. Это не позволяло ей сделать качественный скачок в овладении собственными природными богатствами, преодолеть дефицит энергопотребления и обогнать своих конкурентов в потреблении энергоресурсов на душу населения, создать принципиально новые энергосберегающие технологии или уникальные виды продукции, с которыми она могла бы стать конкурентоспособной на мировом рынке. России, чтобы быть на уровне мирового развития, нужна не догоняющая, а опережающая модернизация, нужен принципиально иной путь, а не копирование западных образцов.

Осуществить такой прорыв сейчас сложно, но жизненно необходимо! Для этого есть предпосылки: сохранение в форме «коллективного бессознательного» идеи соборности – коллективного спасения, осознание социально-экономических преимуществ подлинного обобществления труда и производства, достаточно высокий научный потенциал, благоприятная геополитическая конфигурация евразийско-

го пространства¹⁷ и богатые природные ресурсы, роль и ценность которых существенно меняются в условиях постиндустриального развития общества.

Достаточно красноречив опыт развития бедных природными ресурсами стран Восточной и Юго-Восточной Азии¹⁸. Прежде расположение в зоне эффективных территорий лишало их народы стимулов к научно-техническому творчеству, совершенствованию производительных сил и производственных отношений и в конечном счете тормозило их социально-экономическое развитие. В новое время дефицит природных ресурсов индустриализации обрек их, за исключением имперской Японии, на роль аутсайдеров мирового соревнования, и только со становлением постиндустриальной технологии они, превратившись в своеобразный «сборочный цех» высокотехнологичной продукции стран-лидеров научно-технического прогресса, смогли найти свое место в мировом разделении труда и благодаря этому значительно повысить свои экономические показатели, войти в клуб интенсивно развивающихся государств.

При условии проведения политики, ориентированной на цели национального выживания и процветания, при обилии природных ресурсов и названных выше предпосылок, Россия в состоянии найти свое место в мировой экономике постиндустриальной эпохи и использовать полученные преимущества для преодоления вековых природных ограничений своего развития. Это тем более становится реальным ввиду увеличения емкости мирового рынка из-за вхождения в него стремительно развивающихся стран третьего мира и исчерпания природных ресурсов традиционных лидеров мировой цивилизации.

Главный же аргумент за возрождение России и против разрушения многовековых ценностей ее бытия видится в том, что мировое сообщество, выйдя на уровень глобально-

---

¹⁷ См.: Моисеев Н. Н. Постиндустриальный мир и Россия // Зеленый мир. 1997. № 27.

го взаимодействия со всей природой Земли, столкнулось с ресурсными (относительными) и экологическими (абсолютными) ограничениями своего бытия. Компьютерные модели Римского клуба однозначно пророчат в ближайшей исторической перспективе исчерпание традиционных для индустриального производства природных ресурсов и связанные с этим социально-экономические и экологические трудности. Эта озабоченность подкрепляется выводами сторонников биосферных пределов антропогенных нагрузок на биоту¹⁹. И те и другие единодушны в одном: если человечество не объединится перед лицом глобальных проблем – проблем, порожденных несовпадением темпов социальной и природной эволюции, ограниченностью компенсаторных мощностей природы Земли и в принципе неограниченными возможностями общества, то неизбежна экологическая катастрофа.

Адепты выживания «золотого миллиарда» полагают, что продлить ресурсную агонию можно за счет овладения природными богатствами слаборазвитых и развивающихся стран, в число которых попала и Россия, а экологическую катастрофу отодвинуть, пожертвовав основной массой населения планеты в целях сохранения избранных. Но кто согласится добровольно обречь себя на гибель? Кроме того, ресурсы могут стать «яблоком раздора» и спровоцировать новую мировую войну с кошмарным финалом.

Современное человечество оказалось в ситуации, аналогичной той, в которой последние 500 лет существует Россия. Природный фактор жестко обуславливает вектор эволюции человеческой цивилизации. Выход один: «Солидарность или смерть!» Коли люди, преследуя свои национальные или личные цели, нарушают естественные плане-

---

¹⁸ См.: Хай В. Л. Теория и практика модернизации стран Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1998.

¹⁹ См.: Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М., 1995; Данилов-Данильян В. И., Горшков В. Г., Арский Ю. А., Лосев К. С. Окружающая среда между прошлым и будущим: мир и Россия. М., 1994; Федотов А. П. Введение в глобалистику. Наброски теории современного мира. М., 1997.

тарные условия своего бытия и не в состоянии независимо друг от друга изменить к лучшему глобальную ситуацию, то они должны объединить усилия по спасению своего общего местообитания. На вызов глобальных проблем человечество должно ответить идеей и практикой коллективного выживания – формулой многовекового бытия России в экстремальных природных условиях. Обострение глобальных проблем обрекает Социум на «общее дело» – всемирную, общечеловеческую солидарность.

*Работа выполнена при поддержке
РФФИ, грант 97-06-80200*